

ПОПОВА Л. А.

г. Кривой Рог

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ КРИТИКИ ЭТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА

Духовно-нравственные проблемы, осмысленные Л. Шестовым, являются актуальными и по сей день. Представляет интерес методологический анализ его критики философии автономной нравственности И. Канта. По Шестову, за кажущейся гуманностью кантовского подхода скрывается диктатура моральных принципов над отдельным человеком. Абстрактные, не допускающие компромиссов нравственные принципы, согласно Шестову, сначала устанавливают беспрекословную власть над человеком, потом они требуют новых и новых, но

уже не символических, человеческих жертв. Шестову не дает покоя то, что человечество, начиная с глубокой древности и по сегодняшний день, приносит на алтарь идей и принципов человеческие жизни. За противостоянием этики Канта и Шестова кроется противостояние двух типов этической теории: императивной и аретологической (см. работы Е. Л. Дубко, К. А. Шварцман, А. М. Каримского, В. С. Пазенка).

Влияние этики Канта на императивные теории морали велико. Ядро императивизма—деонтологическая этика. Согласно императивистам, факт долженствования фундаментален для понимания моральной жизни. У Канта заимствованы три идеи: идея морального закона, долженствования и автономного морального субъекта. Кант совершил радикальный переворот в этике: утвердил деонтологический тип учения о морали в противовес телеологическому и аретологическому. Императивные теории морали—это «этика принципа», признающая некоторые абсолютные, первичные, высшие правила и принципы сущности морали. Основываясь на принципе, императивизм противопоставляет эмотивизму, ситуативной этике, экзистенциализму как таким теориям, в которых принцип подменяется эмпирическим определением, натуралистическими, дескриптивными и субъективными моментами. «Этика принципа» альтернативна интуитивизму и некогнитивным теориям. Подчеркивая универсальность морального требования, она отмежевывается от эгоистических и индивидуалистических трактовок морали как «личного дела каждого». Допуская, что мораль может и должна в известных пределах иметь личностную форму, императивисты основное внимание уделяют внеличностной позитивной социальной морали.

В роли Принципа или Метода, через призму которого можно установить, в каких идеальных моральных правилах нуждается общество, чтобы урегулировать отдельные поступки, выступают «всеобщее благо», «закон любви», «принцип благожелательности», «позиция беспристрастного наблюдателя». Некоторые считают Принципом «моральную точку зрения», или позицию признания авторитета и приоритета морали. Исследования законов развития общества и воспроизводства определенных форм жизни подменены здесь аксиологической идеализацией общества. Необходимость сведена к чистой нормативности. Мораль одновременно и идеальная, то есть не соответствует реальному поведению людей, и инструментальная, то есть призвана стабилизировать общество как систему. В итоге моральная позиция изолирована от фактических интересов как иррациональных и присуща только идеальному беспристрастному субъекту. Основываясь на объективной тенденции прев-

ращения традиционной морали в рефлексивную и личностно осмысленную, императивисты объявляют моральную точку зрения чисто рациональной. В гносеологическом плане рациональность выступает синонимом калькуляции, использования эксплицитного метода, отвергающего интуитивное решение и чувство. Преобладает такое понимание рациональности, которое составляет антитезу эгоизму. Рациональный субъект мотивирован симпатией к другим людям. Моральная точка зрения (рациональная и неэгоистическая) позволяет имитировать идеальное состояние общества, которое удовлетворяет всех его членов (максимальное благо для максимального числа людей). Допускается, что всеобщая мораль—это род игры, которая, возможно, не имеет цели и не достигает ее, но ничто не препятствует человеку ставить такие цели.

Влияние Канта определяет понятие «моральный стандарт», который должен обладать такими характеристиками, как всеобщность, универсальность, иметь приоритет над другими правилами, он предполагает личную беспристрастность, стоит над частными интересами и должен быть принят в обществе.

Таким образом, главные акценты в понятии рационального субъекта приходятся на интеллект и волю индивида. Тем самым существенно огрубляется сфера мотивации поступка, из которой исключены непосредственные нравственные чувства как субъективно преувеличенные.

Этика Канта и императивная этика являются отрицанием аретологической этики, которая считала опорой морали личные характеристики субъекта (добродетели). Кант объявил несущественными в моральном отношении добродетели и пороки личности как эмпирические условия поведения. Он сохраняет лишь две аретологические черты: уважение к моральному закону и готовность руководствоваться им. Этика долга не интересуется вопросом «Каким я должен быть?», а целиком заменяет его вопросом «Что я должен делать?». Ключевое слово платоновской этики—добродетель. Ключевое слово кантовской этики—долг. Современная этика следует не за Платоном, а за Кантом, и более отдаленно—за Ветхим заветом и Римским правом. Недостатком этого вида теорий является чрезмерный и односторонний акцент на должностовании и правильности, так как, обеспечивая процедурный рационализм, они устраняются от важной темы—самосознания, интенции, желания.

Понятие добродетели в течение длительного времени было забыто. Его вытеснили деонтические понятия: «долг», «правильное», «должное», «обязательства». Позиции аретологии ослабли: под влиянием Канта, связи понятия «добродетель» с учением о «человеческой природе», а также потому, что дан-

ное понятие было поставлено в контекст чувств и эмоций, но оторвано от поступков и деяний.

В современной этике наряду с императивными теориями морали, которые исследуют проблему «принцип—поступки», действует аретологическая тенденция, воскрешающая проблему «поступки—люди». Эта проблема поставлена еще А. Смитом в XIX веке в труде «Теория нравственных чувств». Сторонники этого направления высоко оценивают «этику добродетели» Сократа и Аристотеля и призывают восстановить внимание к стандартам поведения, которые сконцентрированы вокруг идеи добродетели.

Блаужелательные или альтруистические склонности человека, его способность «любить другого как самого себя» являются с точки зрения приверженцев этого направления в этике достаточными и надежными условиями, чтобы и в отсутствие категорических требований индивид сохранял преданность моральным ценностям.

Аретологическая этика выступает против магической силы слова «должен», она считает, что соблюдение моральных норм возможно и при гипотетизации императива. Аналогичное отношение к этой проблеме прослеживается и в философско-этическом наследии Льва Шестова. Он противопоставляет долгу ценность личности и ценность поведения как реальные черты морали—умозрительному критерию. Так, уже в раннем произведении Л. Шестова «Шекспир и его критик Брандес» трагизм судьбы шекспировских героев ставится в укор философии автономной нравственности с ее моральным ригоризмом. В готовности оправдать человеческие жертвоприношения, приносимые на алтарь категорического императива, Шестов обвиняет политика-республиканца Брута, историка-моралиста Плутарха, до определенного времени великого драматурга Шекспира и не менее великого философа Канта. Были ли справедливы эти обвинения по отношению к Канту? На наш взгляд, кантовский категорический императив ничему не был так противоположен, как идее и психологии жертвенности. И нацелен он был, в частности, на то, чтобы пресечь любую попытку ссылок на нравственность, долг, оправдать жертвование жизнями других людей. Кстати, Гегель, еще более ненавистный Шестову, чем Кант, разделял кантовскую установку, и в «Философии права» вполне определенно высказался против стремления государства вместо разумной организации общественной жизни то и дело ожидать жертв, приносимых гражданами, и постоянно взывать к их героизму.

Долг тождествен морали в целом, если встать на точку зрения «высших» и «исключительных» достижений нравствен-

ности, на что ориентирована императивная этика. Аретологическая этика отождествляет мораль с ценностью, исходя из теории похвального, то есть заслуживающего одобрения. Противопоставление долга и ценности как бы довершает характерные для современной этики абсолютизированные противопоставления факта и ценности, долга и склонности. Аретологическая этика дегероизирует мораль, низводя ее до повседневности. Если кантовская деонтология воздвигала моральный барьер перед «соблазнами», продемонстрировав, что частное (склонности) не имеет влияния на необходимо—всеобщее, то этика добродетели скорее ориентирована на «умеренное призвание» человека. И, действительно, в жизни немного случается соблазнов к героической добродетели или эффектному пороку.

Императивным теориям способ самоутверждения личности представляется по аналогии с реализацией избирательного права, легальной процедурой создания специального «представительства» от морали—«идеальных правил». Аретологическая этика отстаивает противоположный способ самоутверждения личности: в частной жизни, посредством индивидуальных поступков.

В проблеме противоречия ценностных ориентаций и фактического поведения людей этику добродетели волнует дефицит человеческих симпатий, а не рациональности. Таким образом, философско-этические взгляды Л. Шестова, безусловно, тяготеют ко второму типу этических теорий, к аретологической этике.